

Формирование системы образования на Северном Кавказе (конец XVIII - 30-е гг. XIX в.)

Р.С.Бозиев (с)

Проблемы развития образования, формирования и становления системы просвещения на Северном Кавказе остаются предметом исследования отечественных и зарубежных ученых на протяжении почти двух столетий. Изначально в научных трудах XVIII - первой трети XIX в. историки уделяли большое внимание изучению стратегии и тактики правительства в этой области, так как культурная политика в регионе могла быть рассмотрена только в контексте общегосударственного курса на Кавказе, занимавшего важное место в геостратегических планах России на ее южных беспокойных рубежах.

Просвещение, организация системы образования и воспитания были подчинены задаче вращивания в российский строй жизни проживавших здесь многочисленных народов. Уже во второй половине XVIII в., практически с начала завоевания Северного Кавказа, военная администрация открывает аманатские школы для обучения в них детей местной аристократии, взятых в заложники, для того чтобы отучить их от "варварских" нравов, научить российской и турецкой грамоте [1].

Известный исследователь Жан Шарль де Бесс, говоря о нальчикской аманатской школе, где детей учили читать, писать и говорить по-русски, отмечал: "Легкость, с которой учатся эти дети, необычайна, самый старший из них читал предо мною русскую книгу очень бегло и внятно, хотя пробыл в школе всего один год - срок, после которого родители забирают своих детей, чтобы прислать на их место других". [2, с. 824].

Карачаевская исследовательница С.Б.Узденова, основываясь на письменных свидетельствах некоторых очевидцев, пишет: "овладев русским языком, они становились переводчиками, чиновниками царской администрации. Некоторая часть выпускников этих школ продолжала образование в частных пансионах, гимназиях, кадетских корпусах, проходила службу в Императорском конвое, в войсковых частях России, дислоцировавшихся на Северном Кавказе" [3, с. 19 - 20]. Соглашаясь в целом с этим суждением, в то же время считаем необходимым отметить, что в данном случае следует иметь в виду немногочисленность аманатов, небольшой срок обучения, возраст детей, зачастую затрудняющий им усвоение знаний, хотя были и такие, которые получали возможность учиться и дальше и занять официальную должность в администрации. Но это скорее исключение из правил, чем закономерность.

Вспомним А.С.Пушкина. В "Путешествии в Арзрум" он отмечал: "В крепости (Владикавказе. - Р.Б.) видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков, они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении, они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе" [4, с. 377]. Сказано предельно точно и с присущим поэту сарказмом. После

такого свидетельства совершенно бесосновательными кажутся утверждения нашего современника А.Х.Хакуашева о том, что распоряжение царских властей обучать аманатов русской грамоте имело своей целью "завербовать из представителей господствующего класса Северного Кавказа преданных себе людей" [5, с. 41]. Хороши средства для воспитания верноподданных! Это тот случай, когда теория противоречит практике. Все мы знаем, что происхождение "аманатских" школ теряется в глубокой древности. Обучение детей-заложников

стр. 60

практиковалось в государствах Древнего Востока и в Римской империи. Такой путь усвоения господствующей культуры через знать покоренных народов считался достаточно эффективным и безболезненным для последующего органического вхождения новых территорий в состав того или иного государства. И здесь Россия не изобрела ничего нового. Следует только дополнить, что условия воспитания во дворцах того же Ксеркса резко отличались от ситуации, в которой находились дети горцев, запертые в военных крепостях. Думается, что при обращении к тем или иным периодам жизни народа необходима большая осторожность и строгая выверенность научных формулировок и обобщений реальных фактов и явлений.

Вполне естественно, что такого рода школы, как бы они успешно ни функционировали, объективно не могли быть достаточно жизнеспособными по ряду весьма существенных причин. Прежде всего необходимо назвать их малочисленность, отсутствие достаточных средств для их содержания, а также тот факт, что с укреплением российских властей, организацией разветвленной сети административного управления необходимость в институте заложников (аманатов) как фактора стабильности отпадала сама собой. О справедливости такого заключения можно судить по отзыву одного из современников, описывавшего положение в Моздокской аманатской школе: "Ныне, при обветшании и разорении оных покоев, остались ученики без пристанища и скитаются по разным домам и претерпевают крайнюю бедность и недостаток, не имея ни обуви, ни рубах, для чего не только по городу, но и в школу ходить не могут" [6, с. 3]. Все свидетельствует об одном: власти не собирались вкладывать средства в развитие сети такого рода учебных заведений.

И все же, несмотря ни на что, следует отметить - аманатские школы были одновременно и первым опытом распространения грамотности на Северном Кавказе, и частью государственной политики в регионе. Думается, что и распоряжение обучать детей русскому языку изначально имело своей целью занять детей чем-либо полезным и только позже стало ясно, что благодаря этому начинанию можно создавать национальную интеллигенцию. Это утверждение относительно данного периода звучит достаточно громко, но именно в таком ключе и начиналось Просвещение, формирование национальной элиты, где критерием был уровень образования. Дальнейшее развитие этой работы связано с миссионерской деятельностью Русской Православной Церкви в этом крае, в подавляющем большинстве населенном народами, исповедовавшими ислам и ориентированными на мусульманский Восток. Такое положение не могло удовлетворить ни Православную Церковь, ни правительственные круги, тем более что служители Аллаха изначально заняли непримиримую по отношению к российским властям позицию. Свообразным плацдармом для распространения православия стали христианские общины Северной Осетии. Именно сюда Св. Синод в 1745 г. направил духовную миссию во главе с архимандритом Пахоимом. Результатом ее деятельности стало открытие в 1764 г. в Моздоке первой миссионерской школы. В дальнейшем на территории Северного Кавказа по инициативе и при

непосредственном участии миссии было построено немалое количество такого рода учебных заведений, которые сыграли существенную роль в дальнейшей христианизации осетин.

После окончания русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. и с заключением в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора Российская империя получила санкционированную международным правом возможность вести на Центральном Кавказе политику, отвечающую ее интересам. В частности, в 1777 - 1782 гг. была построена Моздокско-Азовская линия (система военных укреплений и поселений) от Екатеринограда до Азова. Вдоль всей линии стали создаваться казачьи станицы, а также поселения, в которые прибывали десятки тысяч русских крестьян из внутренних регионов России. Известный историк В.А.Потто писал: "14 тысяч русских людей, принявших за плуга в пустынных дотоле землях, не могли не послужить достаточным основанием к будущему гражданскому развитию края" [7, с. 147]. Сразу следует оговориться, что историк казачьего войска лукавил, говоря о пустынных землях, так как у горских народов,

стр. 61

издавна занимавшихся скотоводством, они использовались для отгонного выпаса.

В 1785 г. указом императрицы Екатерины II было учреждено кавказское наместничество, в состав которого вошли Астраханская и вновь образованная Кавказская губернии. Главой новой административно-территориальной единицы стал командующий Кавказской линией П.С.Потемкин, который получил самые широкие полномочия и подчинялся непосредственно императрице. От П.С.Потемкина требовалось лишь одно - проявлять к коренным народам лояльность, поощрять торговлю на Кавказской линии, оказывать поддержку горцам, переселявшимся на равнину [8, с. 338]. Иными словами, время для развертывания системы работы по культурной адаптации народов Северного Кавказа на уровне государственной политики еще не пришло. Преимущество получала деятельность по административно-территориальному устройству региона, проблемам градостроительства [8, с. 389]. Однако возникновение городов с неизбежностью должно было поставить вопросы формирования социальной инфраструктуры и развертывания образовательных учреждений не только из прагматических соображений региональных руководителей, а также и из интересов общегосударственных. Но в то время конкретные действия правительства и местных властей носили эпизодический и несистемный характер, и говорить о достижении каких-либо существенных результатов не приходится. Тем более опыты по административному делению территории продолжались - наместничество просуществовало чуть больше 10 лет и к концу 1796 г. было упразднено.

Политика России на Кавказе существенно активизировалась с присоединением в 1801 г. Грузии. Центральный и Северный Кавказ благодаря своему географическому положению становились связующим звеном между Россией и Закавказьем, что обусловило объединение всех этих территорий в один весьма сложный для управления край. Само смешение функций военной и гражданской властей в администрации зачастую приводило к неразберихе и путанице. И.О.Дебу писал: "...завелась между обоими управлениями колкая и неприязненная переписка, которая немало послужила к продолжению ... разорения Кавказского края" [9, с. 176]. Этот конфликт был настолько значительным, что для его разбора и урегулирования правительство, по просьбе военного министра, командировало генерал-майора Вердеревского. Результат было нетрудно предугадать. Созданная под его руководством комиссия приняла решение о необходимости подчинения гражданских властей военным. В 1810 г. оно было утверждено постановлением Комитета министров [10]. Таким образом, все

штатские чиновники, с их согласия, могли быть зачислены по военному ведомству и продолжать свою гражданскую службу. Современники без большого удивления отмечали, что все служащие единодушно согласились на переход, обещавший им большое жалование, компенсирующее "неудобства" кавказской жизни, дороговизну, непривычный климат, отсутствие "порядочного" жилья [10].

С точки зрения общегосударственной политики, такое решение можно считать вполне оправданным, так как многие вопросы и проблемы, возникавшие в регионе, в подавляющем большинстве решались военными. Однако такого рода резкие изменения не могли способствовать стабилизации, а зачастую становились причиной возникновения недовольства среди местных народов, особенно в период русско-персидской (1804 - 1813) и русско-турецкой (1806 - 1812) войн.

С целью упрочения обстановки на южных границах России и прекращения многолетних освободительных выступлений горских народов, и особенно Дагестана, главноуправляющим Кавказа в 1816 г. был назначен А.П.Ермолов. Знаменитый герой Отечественной войны 1812 г., известный своей решительностью и умением принимать неожиданные и нестандартные решения, получил от Александра I самые широкие полномочия и повел жесткую и даже жестокую, бескомпромиссную борьбу, преследуя одну цель - укрепление России на Кавказе. "Хочу, чтобы имя мое сотрясало границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом, вернее неизбежной смерти", - говорил он [11, с. 15]. Прославленный генерал добился своего: для покорения горцев он применял тактику

стр. 62

выжженной земли, при малейшем неповиновении приказывал вешать аманатов, оставляя в живых только малолетних заложников. По свидетельству поэта, дипломата и знатока Кавказа А.С.Грибоедова, именем Ермолова горянки пугали своих детей. Может показаться, что подобного рода свирепость была ответом на жестокость горцев по отношению к русским. Но все становится понятным и легко объяснимым, если обратиться к предельно откровенному письму к императору самого А.П.Ермолова. Генерал писал: "Государь, внешней войны опасаться нельзя... Но внутреннее беспокойство гораздо для нас опаснее. Горские народы примером независимости своей в самих подданных Вашего Императорского Величества порождают дух мятежный и любовь к независимости" [11, с. 18 - 19].

Статья посвящена совсем иной проблеме, но ввиду злободневности и актуальности данного факта не могу не остановиться на нем подробнее. Русско-кавказская война, как известно, длилась около 25 лет и завершилась в 1859 г. пленением знаменитого имама Шамиля. Но покорен он был, по его же свидетельству, благородством и гуманностью победителей и не раз впоследствии отмечал, что, если бы раньше знал о таких качествах русского народа, то никогда бы не вел такой кровопролитной войны. Именно это подвигло его завещать потомкам жить с русским народом в мире и согласии.

Для упрочения своих позиций в бывших ханствах применялись самые разнообразные способы. В частности, широко проводилась активная политика поддержки, задабривания и подкупов ряда местных князей и правителей. Современники отмечали, что такая тактика совершенно закабалила и без того обездоленных простых горцев. "Мы, - писал либерал А.Руновский, - способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию

владельцев, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть" [12, с. 213]. Генерал Н.Н.Раевский, которого нельзя отнести к либералам, характеризуя сложившуюся в регионе ситуацию, в своей записке о политике правительства на Кавказе писал в 1829 г.: "С присоединением сего края местное начальство предложило меры, состоявшие в запрещении с нашей стороны всяких мирных и торговых отношений... Таким образом полагали держать в тесной блокаде восемьсот тысяч жителей, обессиливая их голодом и недостатком и, наконец, покоряя их вторжениями в горы... Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами" [13, с. 368 - 369].

Вспомним еще один сюжет, связанный с началом создания воинских формирований из выходцев с Кавказа, открытием в них школ. Власти придавали этим низшим учебным заведениям достаточно высокое значение как базе для обучения горцев в кадетских училищах, чтобы в дальнейшем опираться на них при проведении государственной политики. Но и тут не обошлось без политической подоплеки и не очень чистоплотных игр. Так, генерал Вельяминов писал шефу жандармов А.Х.Бенкендорфу, что многие из выпускников кадетских училищ по возвращении "могут по крайней мере быть употребляемы как тайные агенты" [14, с. 95].

Все эти исторические экскурсы и пространные цитаты привожу не для того, чтобы ворошить старое, хотя, думается, что помнить историю и не повторять ее ошибок - это не самое худшее человеческое и государственное качество. Мое обращение к характеристике того времени позволяет с достаточной четкостью показать, что в такой социально-политической ситуации говорить о каких-либо инициативах или реальных конструктивных шагах правительства по активизации процесса развития сети образовательных учреждений по всему региону Северного Кавказа не приходится. Огромные средства уходило на строительство крепостей, укреплений и кордонных линий. Содержание огромной армии и такого института подавления, как централизованный военно-бюрократический административный аппарат в регионе, также обходилось недешево. Таким образом, деньги, которые могли быть использованы в цивилизаторских гуманных и гуманитарных

целях, уходило на военные нужды. А созданное только в 1802 г. Министерство народного просвещения России по сути дела передоверило свои задачи на Кавказе местным властям.

Само время показывало, что репрессии, подарки и подкупы аристократической верхушки могут быть эффективными лишь на первом - военном - этапе русификаторской политики. Становилась очевидной острая необходимость перехода ко второму этапу - формированию и развитию культурно-просветительской политики, организации сети образовательных учреждений. Этот путь был, по вполне понятным причинам, не самым быстрым и не очень подходил принципам генерала А.П.Ермолова, но тем не менее он был единственно верным, обещавшим благоприятное для властей разрешение многих проблем.

В такой ситуации существование одних лишь миссионерских школ, да и то только в наполовину христианской Северной Осетии не могло решить всех сложнейших вопросов политики на Северном Кавказе. Впрочем, эти учебные заведения в условиях непрекращающегося военного противостояния и активных антирусских действий горцев, зачастую поддерживаемых ближайшими мусульманскими соседями России, активно развиваться не могли.

Сложность политики российского правительства в этом регионе во многом усугублялась многочисленностью языков и этносов, разноукладностью быта, многообразием нравов и менталитетов, а самое главное - различным уровнем общественного развития народов. Здесь соседствовали вполне развитые феодальные отношения и родоплеменной строй. Следовательно, тактика властных структур должна была строго дифференцированно подходить к каждой народности, племени, этносу, учитывая специфику и уровень их развития. И роль образования представлялась просвещенному чиновничеству, российской интеллигенции совершенно незаменимой: только просвещение, выведение каждого народа на один (пусть минимальный) уровень образованности могло помочь успешному проведению российской стратегии на Северном Кавказе.

Для укрепления своих позиций на Кавказе прежде всего было необходимо как можно быстрее сформировать свою опору из горцев, воспитанных в российских учебных заведениях на традициях русской культуры, приобщения и адаптации его народов к законам Российской империи, которые могли быть привлечены в местную администрацию. Уже в 1803 г. правительством было принято решение об отправлении детей "туземцев" в Московский университет для обучения за казенный счет. Хочу оговориться, что эта мера касалась в основном только тех народов, которые стали "мирными", т.е. приняли российское подданство.

Однако работа по подготовке национальных кадров требовала не единичных мер, сводимых к обучению в столице небольшой группы лиц, а прежде всего развертывания на местах сети средних учебных заведений, чьи выпускники могли бы стать костяком в деле формирования национальной интеллигенции. Очевидность этого тезиса сомнения не вызывает, но перечисленные выше политические и социально-экономические условия не позволяли приступить к созданию не только широкой сети общеобразовательных заведений на Кавказе, но и в каждом районе компактного проживания той или иной национальности построить и открыть одно-единственное образовательное учреждение.

Повторяю, что для полноценного решения проблемы насущной необходимостью становилось формирование на Кавказе светской системы начального и среднего образования и воспитания. Нужда в светских школах была обусловлена тем обстоятельством, что, как и прежде, местные жители - мусульмане весьма неохотно отдавали своих детей в миссионерские школы, считая, что в них стараются оторвать детей от родителей и веры (были единичные случаи, когда детей крестили без ведома родителей). Подготовка же чиновников из единоверцев (грузин, армян и осетин) приводила к тому, что эти народы стали восприниматься соседями только как проводники политики России, действующие зачастую вопреки интересам народов Кавказа.

стр. 64

Необходимость открытия светских школ диктовалась и тем обстоятельством, что властям приходилось думать об организации нормальной жизнедеятельности семей многочисленных русских чиновников и офицерства. Многие гражданские и военные чины обживались в регионе, создавали семьи. За долгие годы их службы здесь вырастали дети, которые при соответствующей подготовке могли стать незаменимыми кадрами, достаточно близко знающими местные традиции и обычаи, а порой и языки. Поскольку одними высокими должностными окладами привлечь в этот малоосвоенный и полный опасностей край специалистов было достаточно сложно и проблематично, следовало незамедлительно принимать ряд практических мер, связанных с обучением детей, дальнейшим

трудоустройством чиновников и офицеров. Однако бюрократическая машина в России не отличалась скоростью.

Известно, что 17 марта 1803 г. был издан высочайший указ об открытии в губернских городах гимназий, а в уездных - училищ. Однако должно было пройти восемь лет, чтобы в августе 1811 г. в Ставрополе открылось уездное училище (впоследствии, в 1837 г. на его основе была создана первая на Северном Кавказе гимназия). В 1818 г. по ходатайству местного дворянства на остатки (801 руб.) от сумм, пожертвованных населением на нужды Отечественной войны 1812 г., учреждалось приходское училище в Георгиевске. Открытие этих двух учебных заведений еще не означало систематической деятельности по выработке просветительской политики правительства в регионе. Об этом свидетельствует тот факт, что до 1824 г. они входили вначале в Казанский, а затем - Харьковский учебный округа. Можно только предполагать, с какой оперативностью и пониманием проблем местного населения осуществлялось руководство учебными заведениями, отстоявшими от администрации за тысячи километров. Весьма показательны здесь положение Екатеринодарской войсковой гимназии (создана 17 мая 1820 г. из уездного училища). Непродуманность учебных курсов, неразбериха с подбором преподавательских кадров, нехватка необходимых учебников, отсутствие должного контроля со стороны властей привели к тому, что большинство учеников "не доходило до окончания гимназического курса" [15, с. 493]. И лишь в 1827 г. последовала ревизия гимназии. Следовательно, говорить о сколько-нибудь серьезной систематической работе в сфере просвещения на Северном Кавказе не приходится.

Только в 1829 г., после окончания очередной войны с Османской империей, российские власти, казалось, решили основательно заняться проблемами просвещения. В том же году издается "Положение о Закавказских училищах", которое можно считать началом деятельности по созданию законодательной базы в области просвещения и воспитания на Северном Кавказе. Вместе с тем следует отметить, что формулировка документа была очень неясной в плане практической реализации: "...весьма полезно иметь уездное училище в Дербенте, для всего Северного Дагестана" [16, с. 311]. Но уже то, что этот вопрос был поднят на государственном уровне, можно считать определенным продвижением в понимании властями реального положения дел. Необходимость просвещения кавказских народов осознавала и местная знать. Так, князь Ф.Бекович-Черкасский в том же 1829 г. обратился к руководству области с проектом строительства города близ крепости Нальчик и открытия в нем трехгодичного училища, куда должны были набирать детей местной аристократии, содержать их за казенный счет и учить читать и писать по-русски и по-арабски (преимущество при этом отдавалось русскому языку).

Историк Т.Х.Кумыков полагает, что, несмотря на работы по "составлению сметы и проекта школьного здания", училище не было открыто в связи с появлением в 1836 г. общего распоряжения "принимать туземное юношество в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса" [17, с. 210].

В целом, соглашаясь с мнением Т.Х.Кумыкова, нужно подчеркнуть, что вопрос не решался во многом из-за ставшей уже традиционной нестабильности политической ситуации в регионе. Представляется, что и сам проект школы был недостаточно проработан в плане научного обоснования учебного процесса. В итоге проект, который

скорее можно назвать предложением о намерениях, остался невостребованным обществом и нереализованным государством.

Если говорить о политической стороне этого сюжета, то, на наш взгляд, он может свидетельствовать о начале ориентации официальных властей при отборе детей для обучения на местную знать. Известная система организации и выделения "кавказских стипендий" в целом стала продолжением этого курса. Предполагалось, что дети знатных и влиятельных горцев, получив образование в столице, по возвращении на родину станут ядром формирующейся интеллигенции [18, с. 150].

В 1836 г. во Владикавказе было открыто духовное училище по подготовке священнослужителей из числа осетин-христиан. Однако игнорирование родного языка обучающихся, когда преподавание велось сначала на грузинском, а затем на русском языке, не способствовало росту популярности училища среди местного населения, испытывавшего естественную боязнь потерять своих детей, которые в процессе учебы забывали язык своих предков. В результате родители стали отказываться отпускать своих детей на учебу.

Сложность, нестабильность, конфликтность региона заставляли центральные власти продолжать настойчиво искать средства для "замирения" Кавказа не только "огнем и мечом", но и методами просвещения. Так, в 1835 г. шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф предписал командующему Кавказской кордонной линией генералу Завадовскому направлять в учебные заведения детей местной аристократии и уважаемых в народе людей, "чтобы эти дети были в свою очередь полезным общением родителей и родственников своих в мирное сношение с правительством, почему при отборе кандидатов должна соблюдаться строгая разборчивость" [19].

Таким образом, в различных ведомственных структурах начинали формироваться первые ростки государственной образовательной политики на Северном Кавказе. Вырисовываются социально-политические мотивы, обозначаются принципы отбора учащихся, определяются общие стратегические цели и задачи государства в сфере просвещения.

Литература

1. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.
2. Великий А.С. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII - XIX вв. М., 1990.
3. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкессии (до октября 1917 г.). Пятигорск, 1994.
4. Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986.
5. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.
6. Краснов М. Историческая справка (к 25-летию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе). Ставрополь, 1913.
7. Два века терского казачества (1577 - 1801). Т. II. Владикавказ, 1912.
8. Полное собрание законов Российской империи (1). Т. 22. СПб., 1830. ? 16193.

9. Дебу И.О. О Кавказской линии. СПб., 1892.
10. Ставропольские губернские ведомости. 1877. ? 16, 18.
11. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, легендах и библиографиях. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1887.
12. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
13. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1960.
14. Петин С. Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1899.
15. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Ч. 2. СПб., 1899.
16. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825 - 1839. СПб., 1875.
17. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX - начале XX века. Нальчик, 1996.
18. Ученые записки Кабардино-Балкарского пединститута. Вып. 13. Нальчик, 1957.
19. Мусульманин. 1911. ? 8 - 9.